

Г. ЭСПИН-АНДЕРСЕН

СНОВА НА ПУТИ К ХОРОШЕМУ ОБЩЕСТВУ?¹

Настоящая работа представляет собой первую главу книги под редакцией Г. Эспин-Андерсена «Зачем нам новое государство благосостояния?» (2002). Мы живем в эпоху, когда соперничающие силы вновь предлагают свои проекты «хорошего общества». По мере усиления взаимозависимости и интеграции европейских стран призывы к перестройке системы социального обеспечения неизбежно становятся более глобальными и межгосударственными. И во всей Европе дальнейшая работоспособность существующей доктрины государства всеобщего благосостояния оказалась под вопросом. В работе обсуждаются предпосылки создания новой и более реалистичной модели социального обеспечения, принципы социальной справедливости, ставится вопрос о пересмотре общественного договора. По мнению авторов, стратегия инвестиций в социальную сферу будет эффективной лишь при выполнении таких условий, как минимизация бедности и наличие гарантированного дохода. Отдельное внимание в работе уделяется вопросу поиска адекватной методологии — такой, которая фокусировалась бы на динамических аспектах ситуации.

Длительный процесс развития западных государств всеобщего благосостояния отмечен двумя характерными чертами. Во-первых, мы видим, что продолжительные периоды консолидации и медленных институциональных изменений прерываются двумя эпохами интенсивного реформирования. Последние десятилетия XIX в. отмечены всплеском социальных реформ; в 1930–1940-х гг. возникла вторая, не менее значимая волна преобразований режима социальной политики. По большому счету современные государства всеобщего благосостояния суть не что иное, как итог развития послевоенной доктрины «социально ответственного капитализма»² — хотя начавшееся в 1970-х гг. в Скандинавских странах смещение в сторону сферы соци-

¹ Предлагаемый читателю текст представляет собой первую главу из книги: *Esping-Andersen G. (ed.). Why We Need a New Welfare State? — NY: Oxford University Press, 2002. Ch. 1 «Towards the Good Society, Once Again?»*. P. 1–25. Перевод Е. Б. Головляничиной под науч. ред. О. В. Синявской. Печатается по: *Эспин-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 7–32. Переведено и опубликовано с любезного разрешения автора.*

² Понятие «welfare capitalism» описывает появившиеся на рубеже XIX–XX вв. практики работодателей крупных предприятий предоставлять своим работникам дополнительные социальные услуги, включая неденежные компенсации (оплату больничных листов, медицинских страховок, пенсий и пр.), а также услуги по дополнительному обучению и переподготовке, спортивные команды и клубы для общения. Мы полагаем, что русский термин «социально ответственный капитализм» наиболее точно отражает суть данного явления. — *Прим. науч. ред.*

альных услуг и «активации» может стать третьей попыткой капитальной реконструкции режима.

Во-вторых, для большинства исторических сдвигов режима характерно усиление идеологической конкуренции между соперничающими концепциями «хорошего общества». Реформы конца XIX в. столкнули защитников «старого режима» (абсолютистов, зачастую антикапиталистически настроенных) с либералами, а порой и с христианскими реформистами. Германия Бисмарка, Великобритания Дизраэли, Италия Джолитти не просто нуждались в безотлагательных социальных улучшениях; правильнее будет сказать, что на карту был поставлен вопрос строительства наций. В начале второго периода реформ были предложены новые проекты «хорошего общества», но на этот раз уже другой группой политических игроков. Странников авторитарного режима осталось очень мало, так что соревнование теперь шло между либералами, социально ориентированными католиками и социал-демократами. Многообразие современных моделей системы социального обеспечения есть результат компромиссных решений, сложившихся в этот период³.

Некоторые страны, в частности США и все в большей степени Великобритания, поощряют индивидуализм и [свободные] рынки, при этом государство благосостояния выступает как слабый и второстепенный игрок. В Скандинавии приветствуются социальная демократия, универсализм, эгалитаризм и всеобъемлющее социальное гражданство⁴. Третья модель сочетает социальное страхование с корпоративистскими, а также нередко с социально-католическими традициями субсидиарности, распространенными в континентальной и особенно в Южной Европе. В каждом случае мы имеем дело не просто с техническими решениями проблемы социальной безопасности, но и с претензией на разрешение «социального вопроса» и устранение классового неравенства. В этом смысле репертуар политики — в отличие от ее претензий, сути и дизайна — везде примерно одинаков: это расширение массового образования как способ уравнивать возможности и устранить унаследованные привилегии; система поддержания уровня доходов как средство выровнять условия жизни и ликвидировать социальные риски на протяжении жизненного цикла.

³ Отличный исторический анализ эволюции государства всеобщего благосостояния см. в работах: [Rimlinger, 1971; Flora, Heidenheimer, 1981; Alber, 1982; Ferrera, 1993]. Исследование различных форм режимов социальной политики см.: [Esping-Andersen, 1990, 1999].

⁴ Понятие «социальных прав» [social rights] и вытекающее из этого «социальное гражданство» [social citizenship] введены в научный оборот английским социологом Т. Х. Маршаллом в 1950 г. в его книге «Гражданство и социальный класс» [Marshall T.H. Citizenship and Social Class. — Cambridge: Cambridge University Press, 1950]. Согласно Маршаллу, в современных обществах понятие гражданства включает в себя три компонента — гражданские, политические и социальные права и свободы. Социальное гражданство — как поздняя и наиболее высокая ступень развития прав граждан — включает в себя права на образование, гарантированный достойный уровень жизни и т. п. — *Прим. науч. ред.*

НОВЫЙ ВЫЗОВ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Мы живем в эпоху, когда соперничающие силы вновь предлагают свои проекты «хорошего общества». Многие говорят о близости еще одной исторической смены режима социальной политики. Происходит революция в демографическом и семейном поведении, вызванная распространением среди женщин концепции личной независимости и карьерного роста на протяжении всей жизни. Вступление в брак становится в меньшей степени следствием экономической необходимости и в большей — вопросом личного выбора. Это означает также появление множества новых, значительно менее устойчивых типов домохозяйств и семей. Все меньше вероятность того, что большинство детей проведет детство с обоими родителями. Все это свидетельствует о росте личной свободы выбора, но также незащищенности и риска.

Мы находимся в центре экономических потрясений, появления интегрированного глобального порядка, который очень сильно отличается от порядка, господствовавшего во времена наших дедушек. Технологические преобразования и преобладание занятости в сфере услуг значительно меняют структуру социальных рисков, создавая совершенно новые группы победивших и проигравших членов общества. В эпоху социально ответственного капитализма промышленные рабочие и низкоквалифицированный персонал, как правило, могли надеяться на получение достойно оплачиваемой стабильной работы. В XXI в. — уже нет. Основные требования к тем, кто хочет жить обеспеченно и уверенно, одновременно и растут, и изменяются. Люди, не обладающие достаточными навыками или культурными и социальными ресурсами, могут быстро скатиться к образу жизни, характеризующемуся низкой оплатой труда, безработицей и случайной занятостью. Популярность темы социального исключения во многом является эхом дебатов 1930-х гг. о «социальном вопросе».

Формирующаяся экономика услуг потенциально дуалистична. Хотя основной сдвиг происходит в сторону создания рабочих мест для квалифицированных специалистов, может возникнуть и рынок низкооплачиваемых, рутинных услуг. Это особенно вероятно, если неравенство в заработках продолжит углубляться. Компромисс найти непросто, так как наиболее вероятной альтернативой рынку низкооплачиваемых рабочих мест является массовая безработица⁵. Поэтому обладатели недостаточного человеческого капитала столкнутся либо с низкой зарплатой, либо с безработицей. Станет ли их уделом социальное исключение или случайная занятость на протяжении всей жизни — это, мы подчеркиваем, не предопределено. Дуалистичность постин-

⁵ Недавний обзор этой ключевой дилеммы см. в: [Scharpf, Schmidt, 2000; Esping-Andersen, 1999].

дустриальной структуры занятости не превратится в постиндустриальную классовую пропасть, если — и это важное «если» — наше общество сумеет гарантировать защиту от пожизненного пребывания в подобной ловушке. Для этого нужна система, дающая широкие возможности для мобильности. Возможно, потребуются и другие меры, поскольку углубление индивидуального неравенства может увеличить неравенство домохозяйств. Брачные союзы по-прежнему объединяют людей с близким социально-экономическим статусом, и, следовательно, в постиндустриальном обществе победители и проигравшие будут группироваться в отдельных домохозяйствах.

По-видимому, все это знаменует собой очень важный и парадоксальный поворот исторических событий. Традиционные классовые границы исчезают — вероятно, в большей степени вследствие структурных изменений, а не как результат эффективности проводимых социальных программ. Как утверждают многие социологи, это может свидетельствовать о том, что классовая принадлежность отныне не имеет значения⁶. Парадокс заключается в том, что классовые различия становятся менее заметными, однако их значимость, несомненно, возрастает. В наукоемких экономиках жизненные шансы человека будут зависеть от его способности к обучению и объема накопленного человеческого капитала. Наверняка установлено, что сейчас влияние человеческого капитала столь же значимо, как и в прошлом, — особенно если учитывать развитие познавательных способностей и образовательную подготовку⁷.

Несомненно, в послевоенный период государства всеобщего благосостояния добились успехов в выравнивании условий жизни, однако не было исполнено обещание сделать возможности [людей] не зависящими от социального происхождения и врожденных недостатков. Каждому, кто лишен идеологических пристрастий, должно быть очевидно: развитые страны в XXI в. не могут позволить себе не быть эгалитарными. Тут неизбежно затрагиваются основные вопросы социальной справедливости. Однако следует отметить, что равенство возможностей и жизненных шансов становится также обязательным условием эффективности. Человеческий капитал — это наиболее значимый ресурс, необходимый для создания динамичной и конкурентной экономики знаний. Мы стоим перед лицом огромного демографического дисбаланса, связанного со снижением численности когорт трудоспособного возраста, и для поддержки пожилых нам следует максимизировать производительность труда молодежи. Наконец, вполне очевидно, что ни одна страна не будет стремиться к дуалистическому или тем более поляризованному сценарию будущего — с «островками виртуозного мастерства в океане невежества».

⁶ Яркие примеры см. в: [Bell, 1976; Clark, Lipset, 1991].

⁷ См., например: [Shavit, Blossfeld, 1992].

НОВЫЕ ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ

Во всей Европе дальнейшая работоспособность существующей доктрины государства всеобщего благосостояния оказалась под вопросом. Тому есть две причины. Во-первых, в неблагоприятных демографических и экономических условиях сложно сохранить существующие системы социальной защиты. Во-вторых, они все больше устаревают и все менее годятся для борьбы с надвигающимися трудностями; они скорее затрудняют, нежели стимулируют рост занятости и конкурентоспособность наукоемких экономик. К тому же эти системы не соответствуют новым социальным рискам и потребностям, которые, возможно, окажутся гораздо значительнее прежних. На этом фоне появляются новые политики и проектировщики системы социального обеспечения, призывающие к серьезному изменению режима.

В 1980-х гг. либертарианцы и неолибералы, которые до того десятилетиями отмалчивались в стороне, заявили о необходимости пересмотра модели. Их проект, сложившийся во многом под влиянием идей Ф. Хайека, предполагал возврат к суровому индивидуализму, дерегулирование и приватизацию системы социальной защиты. Они даже верили, что их рецепты ослабят классовое неравенство, поскольку полагали именно раздутый бюрократический аппарат и избыточное регулирование причинами социальной сегментации и воспроизводства бедности⁸. Если бы рынкам позволили свободно развиваться, исчезли бы непреодолимые барьеры для личной инициативы и мобильности. За неочевидным исключением Великобритании, Новой Зеландии и США, неолиберальный проект «хорошего общества» оказался непривлекателен для большинства рядовых граждан и даже для их выборных представителей. Проекты неолибералов редко реализовывались на практике — даже там, где горячо одобряли их идеологию [Pierson, 1994]. Очевидно, неолиберальная модель оказалась чересчур радикальной даже для большей части европейских правых.

«Третий путь»⁹ 1990-х гг. обозначил появление еще одного грандиозного рецепта постиндустриального «хорошего общества». Эта доктрина, несомненно, более соответствовала настроениям времени, во многом благодаря сохранению наиболее убедительных и популярных аспектов неолиберализма (включая акцент на личной ответственности и необходимости более конкурентной структуры вознаграждений), дополненных

⁸ Возможно, самым недвусмысленным образом высказался Ч. Мюррей [Murray, 1984].

⁹ В современном дискурсе под понятием «Третий путь» [Third Way] понимается политэкономическая доктрина, выступающая альтернативой как чистому рыночному капитализму либералов, так и экономической модели, по образцу скандинавских социал-демократических обществ благосостояния или немецкой социальной рыночной экономики, с масштабным государственным регулированием и высокими налогами. Этим термином обозначают политику «новых левых» — британских лейбористов под руководством Т. Блэра, американских демократов в период президентства Б. Клинтона, немецких социал-демократов под руководством Г. Шредера и др., — направленную на дерегулирование, децентрализацию и снижение налогового бремени, включая сокращение государственных социальных расходов. — *Прим. науч. ред.*

сопутствующей ответственностью государства. В отличие от крайне прозрачного неолиберализма, концепцию «Третьего пути» часто называют «голым королем»: она действительно остается обманчиво неопределенной и обобщенной, но, если попытаться сопоставить ее масштабные цели и немногие реально проведенные мероприятия, то общие контуры все-таки проявляются.

Первое и самое главное: проект предлагает резкий разрыв с прошлым. Идея состоит в том, что обеспечивать благополучие членов общества следует не путем подчинения и регулирования рынков или оттеснения их на второй план; необходимо адаптировать и поддерживать граждан, готовя их к самостоятельному достижению благополучия в рамках рынка. По сути, эта определяемая сферой предложения политика нацелена на обеспечение граждан всем необходимым для личного успеха. Поэтому основными стратегиями выступают профессиональная подготовка и обучение на протяжении всей жизни. Предполагается, что порождаемые рынком социальные риски и классовое неравенство можно преодолеть, если проводимая политика обеспечивает всем равные условия для конкуренции.

НА ПУТИ К НОВОЙ ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В ЕВРОПЕ?

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что предложенная британскими лейбористами концепция «Третьего пути» была весьма холодно принята в остальных европейских странах. Когда неопределенные лозунги обрели некую степень конкретности, стало ясно: предложение не ново или же воспринимается как спорное. Например, многих смущает восторженное и, по их мнению, наивное отношение к рынку. Кроме того, в Великобритании переход от универсального социального обеспечения к адресной (т. е. основанной на проверке доходов) помощи продолжился и в 1990-е гг., когда лейбористы пришли к власти, а это резко противоречит основным принципам социального обеспечения, принятым в большинстве европейских стран.

Социал-демократам Северной Европы хорошо знаком этот акцент на вовлечении населения в экономическую деятельность (активации) и расширении возможностей человека. Именно такая политика десятилетиями проводилась в Дании и особенно в Швеции. Как полагают многие критики, «Третий путь» — это не более чем очень запоздалое открытие британцами принципов североевропейской социал-демократии.

«Третий путь» критикуют за неоправданную избирательность в имствовании социал-демократической политики. Во-первых, наивно и че-

ресчур оптимистично думать, будто активация способна *заменить* традиционные способы поддержания уровня доходов; хуже того, чрезмерное внимание к активационным мерам может снизить эффективность политики. Мы полагаем (и в этом заключается наша основная идея), что стратегия инвестиций в социальную сферу будет эффективной *лишь при выполнении таких условий*, как минимизация бедности и наличие гарантированного дохода. Во-вторых, активационная политика «Третьего пути» постепенно сводится к проведению коррективных мер наподобие обучения взрослых и помощи в трудоустройстве. Согласно нашему другому важному выводу, коррективная политика будет эффективна только в том случае, если ее адресаты уже обладают необходимыми навыками и мотивацией. Нетрудно показать, что по-настоящему эффективная и устойчивая стратегия инвестиций в социальную сферу должна быть основана на превентивной политике.

Может показаться, что эта работа содержит полностью законченный проект некоей «новой системы социальной политики». Предвосхищая обвинение в претенциозности, отметим, что мы предлагаем читателю не завершенное здание, и тем более не величественный храм. Мы также не претендуем на то, чтобы предложить политику, *решающую все проблемы* раз и навсегда. За рамками анализа остаются важные элементы социальной политики, в частности, вопросы здравоохранения. И все же мы верим, что наша работа станет вкладом в создание новой и более реалистичной модели социального обеспечения. Мы собираемся предложить лишь частные решения, совокупность строительных блоков. Первым из них станет разработка более эффективной методологии исследования.

ПОТРЕБНОСТЬ В МЕТОДЕ

Как правило, при проведении политики не удается избежать постановки краткосрочных целей, а также разделения ее на элементы и специализированные области. Явное предпочтение отдается коррекции существующих практик — вместо того, чтобы попытаться полностью перестроить систему. К тому же слишком часто используется то, что можно назвать статической методологией: актуальные проблемы выявляются на основе анализа сегодняшней ситуации (например, сколько людей живут ниже черты бедности, сколько пожилых нуждаются в помещении в дома престарелых, сколько детей не посещают школу?).

Одномоментные оценки могут быть довольно верными для очень стабильного общества. Они начинают затруднять выработку политики, если общество стремительно изменяется — как это происходит сейчас. Фрагментарные и статичные оценки не помогут создать новую модель социальной

политики для XXI в. Искомый метод должен удовлетворять трем условиям: давать обоснованные прогнозы; объединять фрагменты в целостную картину (в конце концов, нас интересует здание, а не отдельные окна или двери); учитывать динамику жизненных шансов граждан.

Последний критерий требует более тщательного рассмотрения. Главной задачей социального обеспечения является не столько оценка числа людей с низкой зарплатой и низкой жилищной обеспеченностью в определенный момент времени, сколько определение численности тех, у кого с наибольшей вероятностью и в дальнейшем будут низкая зарплата и плохие жилищные условия. Наше общество, скорее всего, не сможет оградить некоторых людей в определенные периоды их жизни от болезней общества. Это не столь ужасно, как кажется, поскольку болезни общества не всегда являются социальной проблемой. Например, низкооплачиваемые рабочие места могут играть положительную роль, обеспечивая вход на рынок труда для молодежи и недавних иммигрантов. *Первостепенной задачей становится предотвращение трансформации болезней общества в постоянные, устранение ловушек социального исключения и недостатка возможностей, влияющих на жизненные шансы человека в целом.*

Поэтому нам необходима диагностическая методология, в которой основное внимание уделяется динамическим аспектам. В данной работе мы исходим из того, что такой мощный инструмент существует: это концепция жизненного цикла. Во-первых, она позволяет объединить фрагменты, поскольку благополучие или неблагополучие на одном этапе жизненного цикла часто напрямую связано с предшествующими событиями в жизни человека (и может воздействовать на его благополучие в дальнейшем). Бедность в пожилом возрасте обычно является результатом неблагоприятной трудовой биографии или смерти супруга. В свою очередь, случайная занятость обычно сильно коррелирует с недостаточным уровнем образования, который, как известно, определяется условиями, в которых прошло детство. Во-вторых, как говорилось выше, только в рамках концепции жизненного цикла удастся разделить ситуативные (возможно, не имеющие последствий) и долгосрочные негативные факторы. В-третьих, эта методология действительно помогает заглянуть в туманное будущее. Зная многое о сегодняшних молодых когортах, мы можем вполне обоснованно предсказывать положение завтрашних родителей, работников или получателей социальной помощи. Например, имеющиеся сведения о спросе на труд позволяют предположить, что молодые люди, не имеющие среднего образования, через десять лет окажутся запертыми в низкооплачиваемом сегменте рынка труда. Принимая во внимание проводящиеся пенсионные реформы, основные результаты которых проявятся 30–40 лет спустя, столь же допустимо полагать, что примерно к 2050 г., по достижении пенсионного возраста, эта группа столкнется с трудностями в получении социального обеспечения.

ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Вторым необходимым строительным блоком является установление основных правил принятия решений и выделения приоритетов. Каждому, кто одолел вводный курс экономики, известно: повышение экономической эффективности оправдано лишь в случае роста общего благосостояния. Повышение эффективности через достижение равновесия в условиях свободного, конкурентного рынка составляет сильную сторону неолиберального видения «хорошего общества». Недоверие к нему большинства европейцев связано с вопросом социальной справедливости, и, несомненно, именно это решило судьбу неолиберального проекта. Европейские государства всеобщего благосостояния придерживаются различных моделей солидарности, но во всех случаях имеет место основополагающая приверженность базовому принципу социального гражданства — совместному принятию социальных рисков.

Существование государства всеобщего благосостояния предполагает наличие общественного договора с гражданами. Вплоть до настоящего момента этот принцип был одним из решающих в судьбе нескольких поколений. Вот почему это в высшей степени институционализированный контракт, который может стать препятствием для любой реформы. По данным многочисленных исследований установок, существующая система социального обеспечения остается весьма популярной¹⁰. И, как показывают недавние попытки реформирования (особенно пенсионной системы), большинство граждан выйдут на улицы с протестами и откажут в поддержке тем политическим партиям, которые попытаются изменить правила игры. Мы должны быть уверены, что каждый новый вариант общественно-го договора не противоречит господствующей норме справедливости. Это означает, что определены основные права и принципы реципрокности, а также сформулировано, какие требования граждане могут законно предъявлять к обществу. И, используя выражение Г. Саймона, это также означает определение нашего коллективного наследия и принципов его распределения. Вкратце перечислим, какие принципы солидарности мы хотим реализовать.

Текущая политика обычно являет собой смесь принципов справедливости. Приоритет отдается группам, которые могут быть жертвами, неуспешными или уязвимыми. Чтобы добиться большей социальной помощи детям, достаточно напомнить об их невинности. Часто ссылаются и на условия улучшения эффективности по Парето — перераспределение ресурсов, изменяющее статус-кво, допустимо только тогда, когда благосостояние по крайней мере одного человека повысится, не ухудшая тем самым

¹⁰ На эту тему недавно опубликован сравнительный обзор: [Svallfors, Taylor-Gooby 2001].

положение других людей. Ни один из этих принципов не может лежать в основе принятия долгосрочных и способствующих формированию солидарности решений. Принципы Парето часто не согласуются с политикой государства всеобщего благосостояния. Если государство начнет помогать миллионерам, то большинство граждан сочтут это несправедливым, даже если непосредственно никто не пострадает. Как показывает пример США, простое перераспределение благ в пользу жертв и дискриминированных быстро приведет к нарастающей конкуренции за право считаться жертвой.

Сильное и устойчивое чувство солидарности основано на принципе социальной справедливости, согласно которому выгода одного одновременно выгодна всем, и благополучие общества зависит от благополучия его граждан. Правые отстаивают крайний вариант этого принципа, осуждая получателей социальной помощи, поскольку большинство граждан не в состоянии понять, как более щедрые пособия (скажем, одиноким неработающим женщинам с маленькими детьми) могут улучшить общественное (т. е. их *собственное*) благополучие. Акцент «Третьего пути» на активации встречает сравнительно меньше возражений — до тех пор, пока реципиенты также обязуются вносить свой вклад. Принцип совпадения личного и общественного благополучия мог бы рассматриваться как окончательный критерий социальной справедливости. Но, отдельно взятый, он явно очень неэффективен и потенциально опасен. Производимая в нем *подмена понятий* зачастую неосуществима или необоснованна.

Потребность в более жестком критерии справедливости вызвана ростом неопределенности, сопутствующим масштабным изменениям в обществе. Конечно, социальных рисков стало больше, и заметно меняется их распределение. Группы, чье положение раньше было надежным, сейчас больше всех рискуют потерять работу — например, обычные промышленные рабочие. Молодые семьи с детьми также становятся уязвимее. Вообще говоря, когда общество изменяется, граждане *воспринимают* свое положение как менее прочное и поэтому могут избегать принятия рисков. Когда человек просто не знает, станет ли лично он жертвой социального риска, он, скорее всего, предпочтет критерий справедливости Роулза¹¹. В соответствии с принципом максимизации, избегающий риска рациональный гражданин предпочтет эгалитаризм и согласится с изменением статус-кво, только если он уверен, что благополучие слабейших не окажется под угрозой.

Европейские споры о социальном обеспечении близки к этике Роулза в том, что отдают приоритет социальному включению и сокращению неравенства как необходимым компонентам любой стратегии стимуляции

¹¹ Здесь я использую концепцию Дж. Роулза в более широком смысле, чем изначально предполагалось. Посвященное близкой теме исследование О. Кангаса [Kangas, 2000] показало, что рационально избегающие риска избиратели, оказывающиеся перед выбором между существующими моделями социального обеспечения, скорее всего, выберут модель скандинавского типа.

экономической конкурентоспособности. Иными словами, мы используем принцип Роулза, поскольку он хорошо согласуется с представлениями, господствующими в европейских государствах всеобщего благосостояния.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК ИНВЕСТИЦИИ В СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ

В системе национальных счетов различают текущее потребление и инвестиции, но применительно к обществу этого не делают — за исключением редких случаев типа постройки больниц. Социальные расходы обычно считаются непродуктивным, не дающим отдачи потреблением продукта, произведенного другими. Однако теория человеческого капитала предлагает удачную теоретическую схему для пересмотра подобной практики. Сегодня большинство людей согласится с тем, что расходы на образование приносят пользу, так как они (возможно) повышают производительность труда граждан; но следует продвинуть логику этого утверждения дальше.

Мы утверждаем, что ревизованная семейная политика, в частности та, которая ориентирована преимущественно на детей, должна рассматриваться как осуществление инвестиций в социальную сферу. Поскольку доказано, что способности и мотивация к обучению зависят прежде всего от экономических и социальных условий детства, то меры по обеспечению благополучия детей следует считать инвестициями, которые не менее — или более — важны, чем инвестиции в образование. Способности, развитые на начальном этапе обучения, позднее принесут личную выгоду, поскольку они совершенно необходимы для получения образования, обучения на протяжении всей жизни или для возможного коррективного вмешательства на определенном этапе жизни. Они приносят и социальные дивиденды, потому что необходимо компенсировать все меньшую численность будущих поколений работников их большей производительностью.

Применим ту же логику к двум другим ключевым областям системы социального обеспечения, нуждающимся в реформировании. Политику гендерного равенства не следует рассматривать просто как уступку требованиям женщин. Если общество не сумеет устранить противоречие между материнством и занятостью, то исчезнет наиболее эффективная защита от детской бедности — ситуация, когда мать ребенка работает. Мы столкнемся также с масштабным сокращением численности рабочей силы или, напротив, со снижением рождаемости. А поскольку теперь женщины обычно образованнее мужчин, мы впустую потратим их человеческий

капитал. Гендерное равенство является центральным связующим элементом любого положительного постиндустриального равновесия. Низкое качество жизни работника становится препятствием по мере того, как мы ориентируем стратегию социального включения на повышение занятости. Неустойчивая, ведущая к стрессам «плохая» занятость очень негативно отзывается на семьях и детях; «плохие» рабочие места превращаются в ловушки для низкоквалифицированных, где работники быстро утрачивают способности к обучению. Если мы ориентируем нашу стратегию на модель обучения на протяжении всей жизни, то необходимы также инвестиции в улучшение условий труда.

Многое из того, что называется социальной защитой детей, молодежи и семей, или того, что мы называем политикой «в интересах женщин»¹² [women-friendly policy], представляет собой смесь «потребления» и «инвестиций». Известно, что четко разграничить их трудно, а порой невозможно. Однако потребность в пересмотре практики ведения социальных счетов растет с каждым годом по мере приближения к развитой системе наукоемкого производства.

ПЕРЕСМОТР СИСТЕМЫ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Используя стандартные статические оценки социальной политики, легко прийти к выводу о взаимной противоречивости интересов молодежи и пожилых. Пожилых гораздо больше, и они могут лоббировать свои интересы, тогда как у детей даже нет права голосовать. Поэтому многие опасаются, что выигрыш пожилых окажется непропорционально велик. Такая точка зрения не особенно плодотворна в разрешении надвигающейся проблемы старения населения. Если вместо этого опираться на концепцию жизненного цикла, то картина совершенно изменится. Начнем с сегодняшних пенсионеров, которые в среднем, без сомнения, получают значительную социальную поддержку и гарантированные доходы. Происходит ли это из-за чрезмерной щедрости государства? Отчасти так, но настоящая причина в том, что сегодняшние пенсионеры были основными бенефициариями послевоенного бума полной занятости, что позволило им накопить значительные средства. По большей части этим объясняется благополучие пожилых, вне зависимости от получаемых ими пенсий, государственных или частных. Посмотрев на поколение наших дедушек, мы увидели бы совершенно иной уровень обеспеченности пенсионеров, во многом близкий к бедности. В 1950–1960-х гг. размеры государственных пенсий оставались

¹² Речь идет о политике преодоления конфликта между занятостью женщины и рождением детей, составляющими такой политики являются эгалитаризм и активная политика на рынке труда. — *Прим. пер.*

незначительными. Но основной причиной стало то, что жизнь этих людей как поколения была чрезвычайно бедной: трудовой путь тех, чья молодость пришлось на период Первой мировой войны, определялся Великой депрессией и Второй мировой войной.

Воспользуемся той же логикой жизненного цикла поколения применительно к сегодняшней молодежи. Что можно сказать об их обеспеченности после выхода на пенсию? Ожидает ли их судьба наших дедушек или же более счастливое будущее, как у наших родителей? Если в будущем не удастся снизить масштабы социального исключения, то можно держать пари, что многих ждет первый вариант. Это возвращает нас к оулзовской проблематике [справедливости]. В ситуации усиливающейся неопределенности приоритет при проведении политики должен быть отдан наиболее уязвимым группам. Другими словами, обновленная модель социальной политики удовлетворяет базовому критерию справедливости только в случае предоставления соответствующих гарантий пенсионного обеспечения. По мере увеличения продолжительности жизни растут и риски выраженной нетрудоспособности, что делает необходимыми гарантии ухода за пожилыми.

Мы также возвращаемся непосредственно к вопросам эффективности. Чтобы создать более динамичную и преуспевающую экономику, граждане должны быть готовы разделить риски, и это должно делаться в условиях массовой неопределенности. Картина бедности пожилых на протяжении, скажем, будущих двадцати лет не побудит к принятию рисков группу нынешних 25-летних, которым предстоит зарабатывать себе на достойную пенсию еще в течение 35–40 лет.

Старение населения объединяет вопросы эффективности и социальной справедливости в тот момент, когда нам необходимо решить, как распределить бремя дополнительных расходов. Если мы сохраним исключительно распределительную пенсионную систему с установленным размером выплат [benefit-defined PAYG], дополнительная нагрузка по большей части ляжет на плечи людей в трудоспособном возрасте. Это означает повышение налогов на оплату труда и как возможный результат повышение уровня безработицы среди молодежи и низкоквалифицированных работников. Если же мы перейдем к пенсионной системе с установленным размером взносов [contribution-defined], то бремя будут нести сами пожилые.

ТРИ ИСТОЧНИКА БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Основной вопрос для каждого, кто стремится создать новую систему социального обеспечения, — как разделить [ответственность за] формирование благосостояния [welfare production]. Для этого необходимо решить, как распределять обязанности между рынками, семьями и государством.

Рынки — основной источник благосостояния для большинства граждан на протяжении большей части их взрослой жизни, поскольку занятость является главным источником доходов и значительная часть благ покупается на рынке. Сети родственного обмена, представленные семьями, традиционно выступают другим важным источником благополучия и стабильности, в частности в плане услуг по уходу, а также материальной поддержки. Обеспечение благосостояния силами семей остается весьма распространенным, особенно в Южной Европе. Участие государства в формировании благосостояния, конечно, выражается не в купле-продаже и не в реципрокном [обмене благами], а в «общественном договоре» о перераспределении, отражающем некоторую форму коллективной солидарности. Каждый из этих трех источников благосостояния взаимосвязан с другими¹³. Семья, как и государство, теоретически может смягчать провалы рынка; аналогично рынок (или государство) может компенсировать провалы семьи. Острый кризис или дефицит благосостояния возникает тогда, когда ни один источник не в состоянии компенсировать «провалы» двух других.

Некоторые граждане неизбежно попадут в ситуацию «провала» всех трех источников. На самом деле ни один режим социальной политики, сколь бы амбициозны ни были его цели, не может предотвратить все неприятности. Однако вот что вызывает беспокойство: в современных обществах с «провалом» всех трех источников сталкиваются все больше и больше граждан. Пользуясь словами Ч. В. Миллса [Mills, 1956], можно сказать, что в результате частные заботы становятся общественными проблемами.

Любое решение о распределении обязательств по формированию благосостояния должно учитывать два основных аспекта. Первый, самый простой, состоит в тщательной постановке диагноза «провала». Благодаря экономистам сформировалась давно существующая и хорошо зарекомендовавшая себя традиция выявления провалов рынка. Но применительно к провалам семьи такой традиции нет, во многом из-за того, что их часто не замечают. Кроме того, способность семьи компенсировать социальные проблемы и предоставлять необходимый уход ухудшают два обстоятельства. С одной стороны, появляется множество новых рисков (например, болезнь Альцгеймера), требующих недоступной для семьи интенсивности ухода за больным. С другой стороны, семьи становятся все менее устойчивыми, и им не хватает рук для заботы о несамостоятельных членах семьи.

Второй, гораздо более важный аспект связан с возможными побочными эффектами передачи ответственности за обеспечение благополучия какому-либо из источников. Конечно, имеется обширная литература по вопро-

¹³ Четвертым источником является «третий сектор»; однако там, где он играет решающую роль, результаты напоминают работу рынков или правительства — в зависимости от финансовой основы. Обсуждение см. в: [Esping-Andersen, 1999].

сам моральных рисков и негативных мотивационных эффектов, вызываемых участием государства в формировании благосостояния. К сожалению, гораздо меньше известно о побочных эффектах участия семей в этом процессе. Но мы все чаще учитываем, что традиционные обязанности по уходу за членами семьи ограничивают возможности женщин на рынке труда, также есть свидетельства того, что типичное для Южной Европы «семейное» решение проблемы молодежной безработицы не идеально, так как отдалает момент обретения независимости, выхода на рынок труда и создания семьи.

Слишком часто наше внимание заикливается на действиях государства. Следует ли ему наращивать, сокращать или изменять характер своего участия? Это приводит к ошибкам в анализе, поскольку любая трактовка обязательств государства оказывает побочное воздействие на рынки и семьи. Если, например, будет решено не развивать государственную систему услуг по уходу за пожилыми, то получат ли рынки и (или) семьи соответствующую компенсацию? Реальное благосостояние определяется взаимодействием трех его источников. Если один источник оказывается неэффективным, возможны два варианта: или ответственность перекладывается на два оставшихся источника, или увеличивается число нерешенных проблем социального обеспечения. При разработке социальной политики необходимо задаться вопросом о том, *может ли* семья, рынок или же государство взять на себя социальные обязательства, а затем выбрать наиболее *приемлемый* источник.

Неолибералы заявляют о превосходстве рынков (и обычно не принимают во внимание семьи), тогда как для консерваторов предпочтительна социальная ответственность семей и местных сообществ. Социал-демократы неизменно тяготеют к коллективным решениям, поскольку опасаются, что формирование благосостояния в рамках и семьи, и рынка будет недостаточным и приведет к усилению неравенства. Такое разнообразие мнений может многое сказать о том, какое институциональное решение будет эффективно или неэффективно для достижения любой конкретной цели политики социального обеспечения. Решение о том, как распределить обязательства между тремя сторонами треугольника благосостояния, ученые называют выбором между альтернативными *режимами социального обеспечения*. В конечном счете именно этот выбор мы должны сделать.

СХОЖИЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РАЗНЫХ РЕЖИМОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

По большому счету, во всех европейских странах риски, потребности и опасности примерно одинаковы. Везде усиливается создаваемое рынками неравенство и происходят схожие демографические изменения. Но столь же верно и то, что сближающимся проблемам постиндустриальных обществ

противостоят очень разные национальные системы социального обеспечения. В зависимости от сильных и слабых сторон, присущих каждой системе, это ведет к неизбежным различиям в их способности эффективно реагировать на новые риски. В свою очередь, их сила и слабость зависят от того, какова конфигурация трех источников формирования благосостояния, но также и от институциональных характеристик *государственных* программ социального обеспечения.

Скандинавские страны

Скандинавская модель социального обеспечения уникальна в том, сколь важная роль в ней отводится государству. В этой модели обязательства по социальному обеспечению интенсивно выводились за пределы семьи с двумя целями: во-первых, усилить позиции семей (освобождая их от обязанностей) и, во-вторых, добиться большей личной независимости. Кроме того, эта система интенсивно переносила за пределы рынка удовлетворение потребностей граждан в социальном обеспечении с тем, чтобы свести к минимуму роль рынка в жизни человека. Однако очень важно отметить, что вытеснение рынков из сферы производства благосостояния увязано с усилением политики максимизации занятости и производительности граждан.

Для Скандинавских *государств* всеобщего благосостояния характерен акцент на универсальных гарантиях дохода, «активации» и высокоразвитой системе предоставления услуг по уходу за детьми, инвалидами и пожилыми людьми с ослабленным здоровьем. Массовая система поддержания уровня доходов, выплаты в рамках которой достаточно велики, эффективно препятствует бедности. Она способствует принятию на себя больших рисков и, следовательно, повышает гибкость рынка труда и его способность к адаптации. Политика активации сокращает длительную безработицу, а предоставление семьям услуг по уходу за детьми вдвойне выгодно: женщины могут иметь и детей, и работу, тогда как уровень занятости достигает максимума. Скандинавский режим социальной политики неизбежно дорого обходится государственному бюджету. Но система учета всех затрат «режимов» позволяет показать, что этот режим не самый дорогостоящий. То, за что скандинавы платят в форме налогов, американцы оплачивают непосредственно из своего кармана. Все же, несмотря на удивительно сбалансированные доходные статьи системы, высокая налоговая нагрузка с очевидностью является потенциальной ахиллесовой пятой этой модели¹⁴. Пока что потребность в налоговых поступлениях удовлетворяется благодаря широкой поддержке со стороны средних классов. Но ухудшение

¹⁴ Совокупные социальные расходы (выраженные как доля в ВВП) в Скандинавии не больше, чем в США. Различия заключаются лишь в соотношении государственных и частных расходов [Esping-Andersen, 1999].

состояния датской системы здравоохранения за последнее десятилетие свидетельствует о наличии жестких финансовых ограничений. Как показывает опыт Швеции в период экономического спада 1990-х гг., данная модель полностью зависит от возможностей поддерживать полную занятость населения и экономический рост. Дальнейшее замедление роста и укрепление создаваемых рынком противоречий и неравенства станут серьезным испытанием для скандинавской модели.

Несомненно, скандинавская модель сравнительно неплохо работает в условиях постиндустриальных изменений. За счет освобождения семей от обязанностей по формированию благосостояния [de-familization] модель может целиком задействовать потенциал новой роли женщины на рынке труда. Кроме того, за счет эффективной мобилизации наиболее уязвимых групп, таких как родители-одиночки с маленькими детьми, работники старших возрастов или инвалиды, удастся максимизировать [социальные] включение и сократить до минимума исключение. Наряду с Бельгией скандинавские страны находятся в числе немногих членов ОЭСР, которые сумели свести к минимуму бедность и среди детей, и среди стариков. Их пример показывает, что щедрая помощь пожилым сама по себе не является несовместимой с активной *семейной политикой*. Приближение к полной занятости, в свою очередь, соотносится с более поздним выходом на пенсию и достаточно высокой рождаемостью. Возможно, что немалые успехи в осуществлении инвестиций в превентивную социальную политику — это самый главный урок, преподнесенный Скандинавией.

«Либеральная» модель социального обеспечения

Модель социального обеспечения в Ирландии и Великобритании, как и в США, широко использует рынок как основной источник формирования благосостояния. Это достигается посредством двух стратегий: поощрения индивидуальной заботы о благосостоянии и ограничения обязательств государства по устранению провалов рынка. За заметным исключением национальной системы здравоохранения, господствующая тенденция состоит в отведении государству вспомогательной роли по предоставлению помощи лишь наиболее нуждающимся категориям населения. Это подталкивает средние классы самостоятельно заботиться о своем благосостоянии, тогда как государство стремится ужесточить проверку доходов. Наряду с этим происходит смещение от традиционных пособий по нуждаемости к пособиям, выплачиваемым работающим бедным [work-conditional benefits]¹⁵. Та-

¹⁵ Понятия «work-conditional benefits» и «in-work benefits» описывают новую группу пособий, которые в отличие от традиционных социальных пособий, адресованных незанятым категориям бедного населения, предназначены для низкооплачиваемых работников или семей с такими работниками, а также для бедных семей с детьми, в которых хотя бы один из родителей работает. Поэтому мы перевели эти термины как «выплаты, привязанные к месту работы», и «пособия работающим бедным». — *Прим. науч. ред.*

кой подход считается более эффективным решением двух проблем: частой нехватки адекватных стимулов к труду и расширения низкооплачиваемой занятости. Фактически его можно рассматривать как амортизатор, необходимый при сокращении регулирования рынков труда.

Может показаться, что адресные пособия работающим бедным [in-work benefits] являются более эффективным способом борьбы с социальным исключением, чем, скажем, традиционное социальное страхование. Но далеко не очевидно, так ли это. Если выплаты привязаны к месту работы, то они не помогут гражданам, не имеющим работы. Уточним, что матерям с маленькими детьми необходимы недорогие услуги по дневному уходу за ребенком. Если право на получение пособия определяется проверкой на нуждаемость [needs test], то скорее всего выплаты будут низкими, охват нуждающихся — недостаточным, а зависимость от социальной помощи — значительной. Кроме того, пособия работающим бедным могут создавать нежелательные экстерналии — такие, как тенденция к занижению заработной платы.

Стимулирование частных программ социального обеспечения помогает сбалансировать государственный бюджет, но легко вызывает социальные противоречия и побочные эффекты. Одним из результатов может стать то, что домохозяйства с низкими доходами получают статус граждан второго сорта. Если по-прежнему считать приоритетом равенство, то, судя по очень высоким национальным уровням бедности, система адресной социальной помощи функционирует неудовлетворительно. Более того, бедность особенно распространена среди уязвимых домохозяйств, число которых наиболее быстро растет (например, матери-одиночки, молодые семьи с детьми). И было бы нереалистично считать, что оживление рынка уменьшит число получателей социальной помощи. Например, в Великобритании в 1990-е гг. снижение безработицы не сопровождалось соответствующим снижением числа домохозяйств без работников. Без масштабных инвестиций в семейные службы ловушка низких зарплат, которая прежде всего и является причиной получения социальной помощи, вряд ли исчезнет.

Если главная цель адресности и приватизации состоит в сокращении налогов и государственных расходов, то она отчасти достигнута в Великобритании, особенно применительно к долгосрочным прогнозам пенсионных расходов. Но побочным эффектом является рост расходов домохозяйств на частное страхование, что вряд ли приведет к существенному сокращению общих издержек. Наиболее уязвимое место такой системы состоит в следующем: чем больше граждан полагаются на рынок для обеспечения своего благосостояния, тем сложнее государству увеличивать налоговые поступления, тем менее эффективна проводимая им социальная политика. Стоит государству всеобщего благосостояния хоть немного сократить

объем социальных выплат средним классам, как готовность последних платить высокие налоги начнет снижаться — хотя бы просто потому, что они вынуждены самостоятельно оплачивать частное страхование. Поэтому в будущем может оказаться, что данная модель предлагает слишком ограниченный круг политических альтернатив для разрешения острых социальных проблем.

Модель социального обеспечения континентальной Европы

Большинству, если не всем странам континентальной Европы, свойственна стойкая приверженность традиционной ответственности семьи за благополучие своих членов, наиболее выраженная в Южной Европе и наименее — в Бельгии и Франции. Здесь наибольшее значение придается обеспеченности главного кормильца семьи (мужчины). Смещение в сторону семьи усиливается широким распространением социального страхования.

Связанное с занятостью социальное страхование хорошо защищает тех, кто работает на условиях стабильного пожизненного найма. По этой причине страны, следующие традиции страхования, обычно вводят надежные гарантии и жесткое регулирование занятости. Неудивительно, что рынки труда континентальной Европы систематически оказывались наименее гибкими [Esping-Andersen, Regini, 2000]. Долгосрочная жизнеспособность системы, основанной на принципах социального страхования, однако, все менее очевидна, поскольку предлагаемые ею меры неэффективны в отношении групп, слабо связанных с рынком труда (например, женщины) и в отношении работников с нерегулярной занятостью. Еще хуже то, что социальное страхование не соответствует формирующейся демографической структуре и структуре занятости. Поскольку вступление в стабильную занятость откладывается все дальше, а профессиональные биографии становятся менее стабильными, гражданам будет сложно накопить достаточные средства на пенсионном счете. Для покрытия дефицита в пенсионном обеспечении налоги на оплату труда повышаются, что выталкивает с рынка [труда] молодых и менее производительных работников. Пассивная поддержка доходов в сочетании с надежными гарантиями занятости для мужчин — кормильцев семьи превращается в проблему в условиях усиления нестабильности браков и роста числа нестандартных домохозяйств. Высокая защищенность устойчиво занятых в сочетании с высокими барьерами входа на рынок труда во многих странах привела к расширению пропасти между привилегированными «инсайдерами» и презируемыми «аутсайдерами». Хотя выраженная опора на семью устраняет многие риски социального исключения, она в то же время негативно сказывается на стремлении женщин к экономической независимости. Подобная система социального обе-

спечения парадоксальным образом оказывается главной причиной низкой рождаемости.

Чтобы справиться с этими «нетипичными» рисками, государства всеобщего благосостояния континентальной Европы полагаются на непрерывную поддержку семей или дополнительно ввели в систему социального обеспечения программы помощи в трудной жизненной ситуации, не связанные с уплатой страховых взносов (например, социальные пенсии и различные социальные минимальные гарантии). Очевидно, однако, что социальная политика, в которой слишком велика роль трансфертов, не эффективна в борьбе с социальным исключением. Сейчас в континентальной Европе осознают крайнюю необходимость развития услуг по уходу, особенно за маленькими детьми и лицами пожилого возраста с ослабленным здоровьем. Но узкая налоговая база в сочетании с обременительными обязательствами по пенсионному обеспечению ограничивают финансовые возможности для развития данного направления. Эта модель необычайно беззащитна перед стагнацией занятости и высоким уровнем экономической неактивности. Следовательно, расширение занятости женщин и работников старших возрастов становится необходимым условием для достижения долгосрочной устойчивости.

Однако государства всеобщего благосостояния континентальной Европы оказались в ловушке «высокий уровень социального обеспечения плюс низкая занятость» [«welfare without work»], выбраться из которой очень сложно. В рыночной экономике росту числа рабочих мест мешают высокий уровень минимальной зарплаты и тяжелое бремя страховых взносов, а в секторе государственной службы — жесткие финансовые ограничения. В ситуации недостатка рабочих мест решением стало субсидирование раннего выхода на пенсию, требующее дополнительного увеличения социальных взносов. Инвестирование в меры, помогающие выбраться из этой ловушки (такие как выплаты и услуги, ориентированные на женщин), повсеместно игнорируется или получает мало внимания.

Именно в этом контексте проявляется значимость «голландского чуда». В 1980-х гг. Нидерланды являли собой пример негативных последствий полностью пассивной политики, ориентированной преимущественно на поддержку доходов, с очень низким уровнем занятости женщин и рекордно высокой долей получателей трансфертов. Успех голландского рынка труда зиждется на осуществлении ряда взаимосвязанных мер, включающих прежде всего продолжительное сдерживание [роста] заработной платы и значительное расширение неполной и временной занятости. Это сочеталось с весьма эффективным устранением практики выплаты пособия в течение длительного времени, но без сколько-нибудь заметного снижения размера социальных выплат. Результатом стал впечатляющий рост занятости женщин и числа рабочих мест в секторе услуг.

ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ К ЕВРОПЕЙСКОЙ МОДЕЛИ?

По мере усиления взаимозависимости и интеграции европейских стран призывы к перестройке системы социального обеспечения неизбежно становятся более глобальными и межгосударственными. Так, нелиберальный проект позиционируется как универсальное решение, а концепция «Третьего пути», хотя она исходно предназначалась для британской аудитории, вскоре приобрела поклонников повсеместно. Сам факт того, что большинство, а то и все европейские страны стремятся к реформированию своих систем социальной защиты, должен стимулировать скоординированные совместные усилия по поиску решений. Этим и объясняется заметное усиление воистину общеевропейских «социальных» дебатов, наблюдаемое в последние годы.

Разумеется, здесь нет ничего особенно нового. В ходе бисмаркианской фазы социальных реформ дебаты, как и сегодня, имели международный характер. Такие разные страны, как Италия и Швеция, бурно обсуждали аргументы «за» и «против» формирующейся немецкой модели. Многие страны, и даже Япония, сознательно подражали политике Бисмарка. Обстановка была столь же, если не более, глобальной, когда Густав Моллер, Франклин Рузвельт и лорд Беверидж начали вторую волну масштабных реформ. Исторический момент, в котором мы находимся, представляется беспрецедентно глобальным. Краткий экскурс в историю показывает, что это не так.

Готовность к созданию общей стратегии в сфере социальной политики на XXI в. до сих пор довольно умеренна, если вообще имеет место. Первый шаг был сделан в период председательства Дании в Европейском союзе, когда началась реализация общей стратегии в сфере занятости и было принято предложение пересмотреть «социальную защиту в качестве фактора производства». Дальнейшим, и более сильным, импульсом стал саммит в Лиссабоне в марте 2000 г., выдвинувший социальную защиту на первое место политической повестки. Как следствие — пункт 7 Ниццкого коммюнике Европейского совета гласит: «Европейская социальная модель с ее развитой системой социальной защиты должна поддерживать переход к экономике знаний. Люди — главный ресурс Европы; они должны быть в центре политики Союза. Инвестиции в людей и формирование активного и динамичного государства всеобщего благосостояния станут определяющими факторами и для места Европы в экономике знаний, и для гарантии того, что появление этой новой экономики не приведет к обострению существующих социальных проблем безработицы, социального исключения и бедности»¹⁶.

¹⁶ The Council of the European Union. Document 14011/00, SOC 462 (Annex).

По-прежнему не обсуждается разработка законченной, согласованной европейской политики реформ, особенно ориентированной на гармонизацию законодательств. Но движение к общим целям под девизом «метода открытого сотрудничества» представляет собой приемлемый — и весьма обещающий — переход государств — членов ЕС от «негативной» к «позитивной» интеграции [Scharpf, 1999]. Не удивительно, что в последние годы активизировался поиск приемлемых для всех и реалистичных целей политики.

Приведенная выше цитата дает первоначальное представление, хотя бы и чрезвычайно общее, о положении, которое скорее всего не вызовет возражений у представителей европейских стран: достижение экономической конкурентоспособности зависит от сохранения привычных социальных достижений и борьбы против социального исключения. Здесь явно прослеживаются роулзовские основания для принятия политических решений. Говоря конкретнее, пока что единственным реальным достижением остается установление общих направлений политики занятости. Но мы можем выделить группу «протоцелей», которые поддерживаются и обсуждаются в ЕС. Совет по социальным вопросам занятости провозгласил стремление к гендерному равенству, повышению заработной платы, гарантированным и устойчивым пенсиям, расширению социального участия, а также к высококачественной и устойчивой системе здравоохранения. Кроме того, в период президентства Португалии Совет министров ЕС принял предложение Бельгии и Великобритании по выработке стандартов борьбы с бедностью и социальным исключением (меры, направленные на поддержку детей, были выделены особо). Но, за редкими исключениями (такими как 60%-ный уровень занятости женщин к 2010 г.¹⁷), благие намерения выходят далеко за пределы того, что реально делается в этой сфере.

Останется ли реформа по преимуществу национальной или же станет общеевропейской, во многом зависит от двух обстоятельств. Во-первых, действительно ли перед отдельными странами стоят одинаковые проблемы? Во-вторых, будет ли реалистичным и полезным установление близких целей в условиях необычайно разнообразных национальных систем социального обеспечения? Четыре сферы политики, которые рассматриваются в следующих главах, являются ключевыми для любой фундаментальной перестройки модели социального обеспечения: это дети и семьи, гендерные отношения, трудовая жизнь и выход на пенсию. Они фундаментальны в двух отношениях. Во-первых, они являются основой жизненных шансов граждан. Во-вторых, с ними связаны наиболее острые проблемы постиндустриальной адаптации¹⁸.

¹⁷ Речь идет о целевом ориентире в сфере занятости и выравнивания прав мужчин и женщин, установленном Лиссабонской стратегией. — *Прим. науч. ред.*

¹⁸ Политика в сфере здравоохранения, возможно, является пятой ключевой областью, однако ее рассмотрение выходит за рамки данного исследования.

Эта книга ставит вопрос о том, нужен ли новый «общественный договор» и, если да, какими должны быть его элементы. Позвольте завершить первую главу кратким обзором этих вопросов.

ПЕРЕСМОТР ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

Новая семейная политика

Главными целями послевоенной семейной политики было обезопасить мужчину — кормильца семьи — и помочь многодетным семьям. Сегодня ситуация почти полностью противоположна в силу следующих причин.

1. Структура семьи, лежавшая в основе послевоенной политики, уже не является господствующей.
2. Занятость матерей требует создания новых институтов по уходу за маленькими детьми.
3. Широкое распространение безработицы среди молодежи и высокие барьеры входа на рынок жилья ослабляют возможности молодых людей к созданию семьи.
4. Семьи становятся все менее стабильными, и это часто идет рука об руку с бедностью.
5. Условия, в которых проходит детство, сейчас еще больше, чем прежде, воздействуют на дальнейшие жизненные шансы человека.

Именно в детстве граждане приобретают большую часть того капитала, который они будут использовать в стремлении к успешной жизни. Инвестиции в образование и развитие способностей становятся все более необходимыми для получения высоких жизненных шансов, однако их приходится осуществлять в ситуации небывалой нестабильности семей. Ресурсы родителей становятся все более важными, при этом сами они оказываются как никогда уязвимыми. В нашей книге (глава 2) предлагается новая ориентированная на детей стратегия социального инвестирования, основанная на комбинированной политике гарантирования доходов семей с детьми и максимизации занятости матерей.

Новый гендерный контракт

Послевоенный общественный договор был повсюду основан на реалистичном для того времени допущении о том, что женщины, выходя замуж, становятся домохозяйками. Но за последние двадцать лет женщины стали более образованными, чем мужчины, и мужчины утрачивают преимущество в оплате труда. В той степени, в которой новая экономика услуг благоприятствует женщинам, в семьях будут чаще приниматься решения, ведущие к повышению предложения труда женщин. К тому же сами женщины все

больше стремятся к экономической независимости и профессиональному совершенствованию.

Совершающаяся сейчас гендерная революция и неизбежна, и желанна. Чтобы целиком использовать предоставляемые ею преимущества, следует пересмотреть отношения между работой, благосостоянием и семьей. Занятость женщин повышает семейное благосостояние и одновременно помогает обеспечивать будущие доходы государства всеобщего благосостояния. Но она также создает новые социальные риски, такие как более высокая нестабильность семьи и новые «нестандартные», зачастую уязвимые, домохозяйства. Если проблема «несовместимости» [женской занятости и рождаемости. — *Ред.*] не будет разрешена, она может перекрыть европейским обществам выход из состояния долгосрочного равновесия, характеризующегося низким уровнем рождаемости. Этот уровень резко отличается от того, который называют сами европейцы, говоря о желаемом числе детей. Налицо отличная возможность для заключения нового, «покровительствующего женщинам», общественного договора, поскольку улучшение благосостояния женщин означает повышение коллективного благосостояния всего общества.

Политическая суть проблемы сводится к двум принципиальным вопросам. Во-первых, как обеспечить совместимость исполнения родительских обязанностей и жизни, посвященной работе и профессиональной карьере. Это обычно рассматривается как задача «покровительствующей женщинам» политики. Во-вторых, как создать новое, более равноправное равновесие между жизнями мужчины и женщины — вопрос гендерного равенства.

Несколько европейских государств всеобщего благосостояния раньше прочих приступили к гармонизации материнства и занятости. Большая часть других стран начала поддерживать, если не активно, то хотя бы на словах, подобную политику «покровительства женщинам». Необходимость проведения такой политики вызвана не только требованиями женщин, но и практическими соображениями. Например, в Италии и Испании, где уровень экономической активности женщин по-прежнему вдвое ниже, чем в Северной Европе, существует явная потребность в повышении этого уровня — отчасти для достижения общих целей в сфере занятости¹⁹, отчасти как необходимый компонент любой устойчивой долгосрочной стратегии. Большинство европейских стран куда менее оперативно реагировало на проблему гендерного равенства. Несомненно, сложно отказаться от образа действий, который складывался столетиями,

¹⁹ Эти общие цели включают в том числе уже упоминавшийся целевой ориентир, установленный Лиссабонской стратегией, — достижение 60%-ного уровня занятости женщин в странах — членах ЕС к 2010 г. — *Прим. науч. ред.*

и поиск немедленного гарантированного решения может не дать результатов. Однако опыт Скандинавских стран показывает, что вклад отцов в выполнение неоплачиваемых семейных обязанностей можно увеличить, предоставляя стимулирующие компенсации [welfare incentives]. Таким образом, при проведении данной политики может возникнуть параллель маскулинизации биографий женщин — более феминизированная биография мужчин.

Повышение социальной включенности через занятость

Оплачиваемая занятость остается основным источником благосостояния домохозяйства, и неудивительно, что увеличение числа рабочих мест рассматривается как необходимое условие для приближения к обществу без социального исключения. К настоящему моменту с послевоенного периода изменилось немного. Однако вызовы, с которыми мы имеем дело сейчас, принципиально иные. Когда лорд Беверидж и современные ему политики начали борьбу за полную занятость, они явно имели в виду только занятость мужчин. В XXI в. любая серьезная политика должна также охватывать женщин. Ситуация в сфере занятости в стране была связана с расширением числа рабочих мест в производстве с постоянным ростом производительности и, соответственно, заработной платы и значительной стабильностью карьерного роста. Сегодня она определяется в основном ситуацией в секторе услуг, где гораздо выше дифференциация, а чрезвычайно неравномерный рост производительности делает вероятным расширение разрыва в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных работников. Изменение характера труда, с одной стороны, ведет к росту числа рабочих мест, требующих высокой квалификации, но, с другой стороны, сопровождается ослаблением гарантий занятости, углублением неравенства в оплате труда и появлением значительного числа низкооплачиваемых бесперспективных рабочих мест. Все это, в свою очередь, затрудняет перспективы профессионального роста и способность населения адаптироваться к изменениям, создавая новые формы незащищенности.

Сейчас хорошо известно, что основная тенденция состоит в повышении уровня квалификации занятых. Сокращение промышленного производства затрагивает преимущественно низкоквалифицированных работников; в наиболее динамично развивающихся секторах услуг (таких как финансы, бизнес и социальное обслуживание) преобладают высококвалифицированные работники. Но изменения в структуре занятости вызывают поляризацию, поскольку потребность в оказании трудоемких рутинных услуг создает значительное число рабочих мест для низкоквалифицированных работников

(так называемые MacJobs²⁰). Концентрация таких рабочих мест в частном секторе скорее всего означает низкую оплату и неудовлетворительные условия труда²¹.

Европейская стратегия занятости ориентирована на борьбу с социальным исключением посредством увеличения числа рабочих мест. В большинстве стран, входящих в ЕС, недостаток финансирования препятствует росту числа бюджетных рабочих мест, и, следовательно, подобное количественное расширение может сопровождаться увеличением числа менее устойчивых низкокачественных рабочих мест. Реальной становится угроза поляризации рабочих мест, поскольку инвестирование в получение новых навыков наиболее распространено среди представителей высококвалифицированных категорий, тогда как рабочие места для низкоквалифицированных зачастую дают работнику мало шансов на обучение, повышение квалификации или самосовершенствование. Высокие уровни занятости могут поддерживать рынок низкоквалифицированного и низкооплачиваемого труда за счет класса работников, «запертых» в сегменте «плохих» рабочих мест и неблагоприятных жизненных перспектив.

Трансформация занятости также воздействует на здоровье работников. В «старой экономике» наибольший риск состоял в физической опасности труда, тогда как в «новой экономике» на первый план вышли риски, связанные со стрессовыми состояниями. Данная тенденция усугубляется конкурентными стратегиями фирм; в особенности повышением производительности труда посредством децентрализации профессиональных обязанностей, интенсификации рабочих процессов и поощрения нестандартных форм занятости. Сопутствующим фактором являются новые формы незащищенности работника. Меняющиеся требования к навыкам [skill change] порывают с традицией приобретения одной профессии на всю жизнь, и шансы на достижение устойчивого карьерного роста зависят от способности работника постоянно приспосабливаться и приобретать новые навыки. В этом контексте традиционные системы здравоохранения становятся неэффективными. К тому же работники, чье здоровье подвергается подобным новым рискам, с высокой вероятностью будут оттеснены на периферию рынка труда.

Другой источник поляризации образуют перспективы домохозяйств на рынке труда. С одной стороны, мы наблюдаем увеличение числа домохозяйств с достаточными ресурсами и высокими доходами, в составе которых велика доля занятых; с другой стороны, наблюдается аналогичный рост числа уязвимых домохозяйств, таких как родители-одиночки и пары

²⁰ От названия сети McDonald's: низкооплачиваемая (временная) работа (в секторе обслуживания или розничной торговли без перспектив служебного роста). — *Прим. пер.*

²¹ Новейшее исследование см. в [OECD, 2001]. Превосходный комплексный анализ см. в: [Scharpf, Schmidt, 2000].

работающих бедных. Нестабильность брачных отношений и гомогамность²² брачных союзов дополнительно повышают вероятность подобной поляризации. Задача состоит в том, чтобы скоординировать политику занятости и семейную политику для улучшения перспектив занятости членов семьи и эффективной борьбы с бедностью домохозяйств.

Уязвимость домохозяйств и «плохая» занятость, вероятнее всего, совпадают; при этом резко возрастает угроза социального исключения. Кроме того, следует различать временную и постоянную депривацию. Кратковременное выполнение низкооплачиваемой или малоквалифицированной низовой [MacJob] работы *само по себе* не снижает жизненные шансы индивида. Это происходит лишь при длительном пребывании на таких рабочих местах и особенно в случае накопления деприваций разного рода. Любая серьезная политика социальной интеграции должна гарантировать защиту от попадания в ловушку депривации.

Продолжительность бедности заметно возрастает, когда уровни бедности в целом высоки [Duncan et al., 1993; Bradbury et al., 2001; OECD, 2001c]. Эта подтвержденная эмпирически взаимосвязь имеет решающее значение, поскольку означает, что само по себе снижение бедности выступает первым и необходимым шагом любой стратегии по искоренению социального исключения. В нашей книге будет показано (см. главы 2 и 3), что поскольку риски устойчивого социального исключения и ограничения в правах возрастают, необходимо развивать эффективную систему гарантий от попадания в ловушки [бедности].

Более чем очевидно, что негативную спираль социального исключения создает в первую очередь недостаточный доступ к устойчивой, высокооплачиваемой занятости, поэтому не вызывает удивления то, что политика фокусируется либо на увеличении оплаты труда, либо на активации и обучении. Слабость каждого варианта состоит в том, что к нему прибегают слишком поздно. Прежде всего необходимо проводить политику повышения качества рабочих мест. Поскольку в будущем можно ожидать сохранения на рынке труда множества низкооплачиваемых и бесперспективных рабочих мест, такие меры стимулирования мобильности, как обучение и переподготовка на протяжении всей жизни, приобретают особую значимость для избежания попадания в ловушку социального исключения. Известно, что даже самая лучшая активационная политика окажется неэффективной, если будет применяться преимущественно с корректирующими целями. Активные программы переподготовки и стимулирования мобильности будут эффективными лишь тогда, когда они дополняются превентивными мерами, а это

²² Под гомогамностью здесь понимается то, что брачные партнеры зачастую имеют близкий социально-экономический статус, включая схожее положение на рынке труда. Соответственно, в семьях, в которых оба супруга безработные или неквалифицированные работники, риски бедности, в том числе застойной, возрастают. — *Прим. науч. ред.*

снова указывает на необходимость крупных инвестиций в обеспечение благополучия детей и молодежи. Иными словами, политику в сфере занятости необходимо координировать с семейной политикой.

Контракт между поколениями

Послевоенные условия пенсионного обеспечения опирались на благоприятную демографическую ситуацию и устойчивый экономический рост. Финансовая устойчивость щедрых распределительных пенсий обеспечивалась ростом и реальной зарплатой, и численности плательщиков пенсионных взносов. Сейчас нет ни того, ни другого, и поэтому перед нами стоит проблема выполнения пенсионных обязательств²³. Провал реформы существующих пенсионных систем во многих странах может иметь дополнительные негативные последствия. Это особенно вероятно в странах, где финансирование зависит от взносов, потому что повышение постоянных затрат на рабочую силу ставит под угрозу рост числа рабочих мест, особенно в секторе малопроизводительных и трудоемких услуг населению.

Сокращение государственных пенсий может улучшить состояние государственного бюджета, но едва ли повлияет на совокупное распределение ВВП. В большинстве стран приватизация означала бы и несправедливость (двойное бремя платежей [трудоспособного населения]), и усиление неравенства среди пенсионеров, и рост незащищенности. Компенсация негативной демографической ситуации посредством «стимулирования рождаемости» неэффективна в среднесрочном периоде, а иммиграция сможет восполнить потери, только если она достигнет огромных масштабов. Поэтому почти все соглашаются с тем, что в новом, эффективном договоре о пенсионном обеспечении должны сочетаться два элемента. Во-первых, он должен гарантировать пенсионное обеспечение гражданами сегодня, и в будущем. Во-вторых, он должен предполагать перераспределение времени между занятостью и пребыванием на пенсии. Этого можно достигнуть отчасти повышением уровня занятости населения в экономически активных возрастах, отчасти увеличением пенсионного возраста.

Серьезную проблему составляет одновременное обеспечение и межпоколенческого равенства (достаточно справедливого распределения расходов по будущим пенсиям между работниками и пенсионерами), и *внутрипоколенческой справедливости* (защиты благосостояния слабейших в период работы и во время пребывания на пенсии). Одно из решений проблемы издержек перехода может состоять в принятии принципа Масгрейва [Musgrave] о пропорциональном разделении издержек между поколениями.

²³ Конечно, возобновление выраженного роста реальной заработной платы могло бы существенно сгладить проблему.

А для обеспечения внутр поколенческой справедливости необходимо уделять больше внимания финансированию общих расходов — для защиты наименее успешных и для совладания с дополнительными пенсионными расходами. Следует не просто установить гарантированный доход пенсионера выше уровня бедности, эту меру нужно рассматривать как предпосылку выполнения любых обязательств по обеспечению благополучия будущих поколений.

Однако необходимость нового контракта поколений этим не ограничивается. Рост ожидаемой продолжительности жизни также является серьезным вызовом системе здравоохранения и повышает спрос на услуги по уходу за больными и инвалидами. Новый контракт поколений делает необходимым пересмотр существующих зависимостей между работой и получением пенсии, а также обязательств по оказанию услуг по уходу. Поскольку ЕС стремится к гендерному равенству и повышению занятости женщин (что является фундаментальным условием выполнения обязательств по социальному обеспечению), то полностью отпадает традиционный вариант, когда за пожилыми ухаживают другие члены семьи (преимущественно женщины).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повторим: эта работа не предлагает политику-панaceaю, решение всех наших проблем раз и навсегда. Первая, более скромная цель состоит в выявлении некоторых компонентов, необходимых для комплексного пересмотра политики. Вторая цель — предупредить об опасности простых решений в разработке политики, характерных для современных дискуссий. Возьмем пенсионную политику: увеличение пенсионного возраста — задача определенно здравая, но вот во всех ли случаях она сработает? Или возьмем политику социального включения: активация представляется привлекательной альтернативой пассивной экономической поддержке, но послужит ли она адекватной заменой минимального гарантированного дохода? Сейчас модно ругать пассивную и превозносить активную политику. Возможно, это неверно, так как имеются свидетельства того, что активация — это дорогая и не самая лучшая альтернатива превентивной политике. Или снова посмотрим на гендерную политику. Здесь на каждом шагу говорится о «политике в интересах женщин» в сфере предоставления услуг плюс о родительских²⁴ отпусках по уходу за ребенком. Но сами по себе эти меры не устраняют трудностей, с которыми сталкивается большинство работающих матерей.

²⁴ Иными словами, предоставляемых не только матерям, но и отцам и другим родственникам отпусках по уходу за ребенком. — *Прим. науч. ред.*

В свете разнообразия национальных систем социального обеспечения еще более бесполезны попытки создания системы, единой для всех стран, даже если их проблемы довольно схожи. Ни одна страна Евросоюза не пойдет на приватизацию системы социального обеспечения, равно как и на радикальную смену режима социальной политики. Институциональные рамки национальных систем социального обеспечения исторически «замкнуты», и любое реалистичное движение к общим целям должно предполагать, что эти цели будут приспособлены к национальным практикам.

Установление масштабных целей политики без внимания к их реальной политической уместности и применению в различных европейских моделях социального обеспечения быстро превратится в бесплодное теоретизирование. Поэтому наше исследование затрагивает четвертую проблемную область: предпосылки, делающие реформы и необходимыми, и осуществимыми на уровне национальных государств и Евросоюза в целом. Всюду, от Финляндии до Греции, могут появляться похожие проблемы, но у каждой страны Евросоюза есть свои традиции социальной политики, специфическая конфигурация групп интересов и своя система демократического управления. С учетом этих различий и следует проводить реальную реформу системы социального обеспечения.

Заключительная идея состоит в необходимости пересмотра границ социальной политики и в особенности дихотомии «государственное/частное социальное обеспечение». В связи с этим возникают два вопроса. Во-первых, политика социального обеспечения неотделима от политики занятости. Например, эффективная стратегия борьбы с бедностью должна сочетать обеспечение занятости женщин, повышение качества работы, социальную помощь и поддержание уровня доходов. Во-вторых, точкой отсчета при определении эффективности затрат и [финансовой] устойчивости должны быть не правительственные доходы и расходы, а распределение ВВП. Снижение расходов на здравоохранение, пенсионное обеспечение или социальную помощь едва ли уменьшит реальные затраты, поскольку домохозяйства постараются скомпенсировать его покупкой услуг на рынке или самообслуживанием. Если формирование благосостояния вменяется рынкам, то это не приведет к ощутимому снижению чистых денежных расходов домохозяйств. Результатом будет усиление неравенства. Если благосостояние обеспечивается внутри семьи, то, скорее всего, доля неоплачиваемого труда увеличится, а оплачиваемого — сократится; иначе говоря, снизится ВВП (и налоговые поступления). Это приведет к углублению гендерного неравенства и существенно ограничит наши возможности по увеличению занятости. Иными словами, говоря о том, что должно или не должно делать правительство, необходимо одновременно учитывать последствия его деятельности для рынков и семей.

ЛИТЕРАТУРА

- Alber J.* Von Armenhaus zum Wolfartsstaat. — Frankfurt: Campus Verlag, 1982.
- Bell D.* The Coming of Postindustrial Society. — NY: Basic Books, 1976.
- Bradbury B., Jenkins S., Micklewright J.* The Dynamics of Child Poverty in Industrialised Countries. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Clark T., Lipset S. M.* Are Social Classes Dying? // *International Sociology*. 1991. Vol. 4. P. 397–410.
- Duncan G., Gustafsson B., Hauser R. et al.* Poverty Dynamics in Eight Countries // *Population Economics*. 1993. August. P. 215–234.
- Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge: Polity Press, 1990.
- Esping-Andersen G.* Social Foundations of Post-Industrial Economies. — Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Esping-Andersen G., Regini M.* Why Deregulate Labour Markets? — Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Ferrera M.* Modelli di Solidarita. — Bologna: Il Mulino, 1993.
- Flora P., Heidenheimer A.* The Development of Welfare States in Europe and America. — Rutgers, NJ: Transaction Books, 1981.
- Kangas O.* Distributive Justice and Social Policy. Some Reflections on Rawls and Income Distribution // *Social Policy and Administration*. 2000. Vol. 34. № 5. P. 510–528.
- Mills C.W.* The Sociological Imagination. — New York: Basic Books, 1959.
- Murray C.* Losing Ground. — NY: Basic Books, 1984.
- OECD. Employment Outlook. — Paris: OECD, 2001.
- Pierson P.* Dismantling the Welfare State? Reagan, Thatcher, and the Politics of Retrenchment. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Rimlinger G.* Welfare Policy and Industrialization in Europe, America and Russia. — NY: John Wiley and Sons, 1971.
- Scharpf F.W.* Governing in Europe: Effective and Democratic? — Oxford: Oxford University Press 1999.
- Scharpf F.W., Schmidt V.* (eds.). Welfare and Work in the Open Economy. 2 vols. — Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Shavit Y., Blossfeld H.P.* Persistent Inequalities. — Boulder, CO: Westview Press, 1992.
- Svallfors S., Taylor-Gooby P.* The End of the Welfare State? Responses to State Retrenchment. — L.: Routledge, 2001.